

**Хранитель. Книга 6.
Февраль 1917. Персидский
поход. Григорий Семенов**

Чеслава Тэйваз

18+

Чеслава Тэйваз
Хранитель. Книга 6.
Февраль 1917. Персидский
поход. Григорий Семенов

<https://litres.ru/74265223>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Господа! – прохрипел Константин Глобачев - Вчера Император Николай II ОТРЕКСЯ ОТ ПРЕСТОЛА ... Король умер!... Да здравствует король!

-Думаю, нам не надо представляться, Роман Федорович, - сказал Григорий Семенов. - Заочно мы знакомы по Нерчинскому полку.

- Роман Федорович, принимай юнцов в обучение. - напутствовал меня командир полка. -У тебя ведь есть опыт общения с молодежью. Эти мальчишки, аширетные горцы. У них в крови, как вулкан, «бурлит» тестостерон. Удачи тебе...

- Григорий Михайлович, я вижу на Вас новые погоны.

- Да.- ответил он, подбоченившись. Теперь я, как и ты, ЕСАУЛ!...

Сходство описанных событий с реальными, а персонажей с историческими лицами - случайны.

Чеслава Тэйваз

Хранитель. Книга 6.

Февраль 1917. Персидский поход. Григорий Семенов

Глава 1

В середине января 1917 года в Петрограде начала работать «Петроградская конференция представителей стран Антанты». Ее повестка дня касалась перспектив сотрудничества членов этого альянса: России, Великобритании, Франции и Италии, - в военной компании наступившего года.

Однако, еще до начала работы, итоги Конференции были уже predetermined. До отъезда в Россию, представители делегаций союзников ознакомились, из «достоверных» британских источников, с документами, содержащими декларации думских оппозиционных фракций, письмами и заявлениями лидеров партии «Союз 17 октября» (Октябристов) Михаила Родзянко и Либеральной республиканской партии Александра Гучкова, донесениями британского посла в Петрограде Джорджа Бьюкенена и британских консулов в Таганроге, Николаеве, Одессе и Владивостоке - о нестабильной политической обстановке в стране и возможности свершения «дворцовой революции», то есть «дворцового государ-

ственного переворота».

Но всех перечисленных «воинствующих» оппозиционеров превзошел Председатель Всероссийского Земского союза князь Георгий Львов. Он публично вручил Лорду Альфреду Милнеру, возглавлявшему на конференции «штатскую часть» британской делегации, свое заявления, в котором утверждал, что если Император в течение трех недель не проведет конституционной реформы, то произойдет революция.

Итогом этой «полулегальной» информационной войны между царствующим Императором Николаем II и аристократами - «национальными патриотами» - оппозиционерами явился: Указ от 25 февраля 1917 года «О прекращении официальных заседаний IV Государственной Думы», изданный сразу после окончания Петроградской конференции, то есть Дума официально была распущена.

С последствиями этой политической неразберихи и «опозиционного думского предательства», мне, подданному Российской империи, офицеру, пришлось «столкнуться» уже в отпуске, в который я направился в 20-х числах февраля 1917 года после получения Приказа об исключении из списков 1-ого Нерчинского казачьего полка Уссурийской конной дивизии, чтобы провести его со своими родными в Ревеле перед отправлением к новому месту службы.

Глава 2

Я прибыл в Петроград поездом. Город встретил меня

сильным морозом, шквальным ветром с Финского залива, и грязными захламленными улицами. Через привокзальную площадь двигалась толпа, смутно напоминавшая демонстрацию, в шеренгах которой я смог различить куртки рабочих, тужурки студентов, шинели солдат и бушлаты матросов. Над площадью расстилалась сивушная пелена. Раскрасневшиеся пьяные лица орали: «Хлеба!», «Долой голод!», «Долой войну!». Жандармов нигде не было видно. Мне, непривыкшему к подобным зрелищам, стало не по себе. На вокзале было не протолкнуться. Толпы людей, с чемоданами, тюками и мешками сновали по платформе, стараясь сбить друг друга с ног. Надо было срочно искать «убежище» до отъезда в Ревель. Перебирая в памяти имена родственников и знакомых, живших до войны в Петрограде, у которых можно остановиться, я отбросил все, кроме одного, дядюшки Льва Яковлевича Штейнберг.

Поймав на привокзальной площади извозчика, я отправился на Лиговский проспект. Однако, швейцар, встретивший меня в парадном подъезде, заявил:

- Господин! Профессор Штейнберг с сыном уже с полгода как уехали-с в Финляндию. А ключ от квартиры мне -консьержу не оставили.

- Куда ж податься? - с горечью думал я.

И тут вспомнил о своем пребывании с дядей Эрнстом в «Гостевом доме» Петроградского охранного отделения жандармерии - Доходном доме Перцова, который располагался

там же на Лиговском проспекте недалеко от дома дяди.

Вот и знакомое здание. Что ж, долой все предубеждения и предрассудки Кодекса воинской чести! Я взялся за ручку двери, но не успел ее открыть, как внезапно дверь распахнулась, и на меня налетел высокий мужик в гражданском пальто, кутавшийся в широкий вязаный шарф, закрывавший до глаз его лицо.

- Прочь с дороги! – завопил мужик.

Шарф сполз с его лица.

- Константин Иванович! Это я, Роман Унгерн-Штернберг!

Вы помните меня?

- Господи! Роман! Что Вы здесь делаете?- он схватил меня за плечи, встряхнул и от неожиданного узнавания брови Глобачева полезли вверх.

- Я в Петрограде проездом, еду в Ревель, в отпуск. В конце марта должен явиться на Кавказ, к новому месту службы, в Экспедиционный кавалерийский корпус генерала Баратова. Константин Иванович, нельзя ли снять номер в Вашем «Гостевом доме»? Мой поезд в Ревель только послезавтра.

- Роман, в «Гостевом доме» оставаться опасно. В городе уже третий день Всеобщая забастовка. Все жандармские отделения распущены. Многие служивые искалечены или убиты. А вместо городских и околоточных, улицы города патрулируют «Отряды рабочей милиции» - гражданские, не имеющие ни знаний, ни опыта. Утром агенты мне сообщили, что восстали солдаты лейб-гвардии Волынского, Литовско-

го и Преображенского полков. Восставшие заняли ключевые объекты: арсенал, почтамт, телеграф, вокзалы, мосты. Старые государственные структуры приказали «долго жить», а вместо них в городе «Двоевластие»: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет) и Временное Правительство.

- Так куда же мне податься? Может на вокзал? В толпе легче «раствориться»...

- Роман, тебе ни на вокзал, ни в гостиницу, ни в ресторан в офицерском мундире нельзя - опасно. В Петросовете одни нижние чины, а мы, офицеры, у них, «мишень» номер один - «Убьют, не заворачиваясь». Самый близкий, неизвестный даже моим подчиненным, «схрон» для тебя и меня - это квартира твоего дядюшки Льва Яковлевича Штейнберга.

- Константин Иванович, перед тем, как идти сюда, в Ваш «Гостевой дом», я заходил по его адресу. Однако, швейцар, встретивший меня в парадном, сказал, что дядюшка с сыном уже полгода как уехали в Финляндию. А ключа от квартиры консьержу не оставили.

- Ха-Ха-Ха... узнаю своего «Стража»... Пойдем-пойдем... Ключи у него найдутся...

- А «Страж» не сдаст нас «рабочей милиции»?

- Не бойся. - Глобачев хитро прищурился. - Он мой родственник, Ротмистр Лигов.

- Константин Иванович, я помню, ротмистра Лигова, но он не был стариком...

- Так он в гриме...Хороший актер...- рассмеялся Глобачев.

- Хороший... - задумавшись, поддержал его я.

Глава 3

В квартире дядюшки было тихо. Окна завешены тяжелыми бархатными шторами. На мебель надеты серые льняные чехлы. Пыли практически нигде не было видно, - значит, квартира обитаема. Сняв верхнюю одежду, мы прошли в гостиную. Лигов, не снимая театрального реквизита – костюма швейцара и не смывая грим, растопил камин, быстро засервировал стол, расставив чайную посуду. Подал к столу нарезанный хлеб, перловую кашу с овощами и мед в креманках. В чашках дымился горячий травяной звар. В ванной мы умылись холодной водой, которая, к счастью, еще не была отключена, расселись за столом и перекусили. От усталости, меня потянуло в сон.

- Располагайтесь здесь, в гостиной. – услужливо произнес Лигов. - Это самая теплая комната. Лев Яковлевич, когда уезжал, то передал Константину Ивановичу ключи от квартиры и разрешил пользоваться ею и хозяйственной утварью.

Глобачев, сидевший в огромном старинном кресле, перед камином, склонил голову на грудь и сразу захрапел. Я улегся на диване, не раздеваясь, закрыл глаза, почувствовал, что меня укрыли одеялом, а потом наступила темнота...

Проснулся я от громких хлопков выстрелов за окном. В гостиной никого не было. Дрова в камине давно прогорели,

и в комнате было прохладно. Натянув сапоги, стараясь двигаться как можно тише, я направился в прихожую. Приоткрыв входную дверь, услышал надтреснутый голос швейцара - «старика» Лигова:

- Господа, еще раз повторяю: никакого начальника охраны здесь нет. Я здесь служу без малого тридцать лет, знаю хозяев в лицо, неотлучно нахожусь на посту консьержа, замены у меня нет, идти мне некуда. И я не хочу, на старости лет, потерять это место работы.

- Где ключи от квартир? – раздался визгливый женский голосок. - На доске их нет.

- Госпожа, ключи у хозяев, а они разъехались. Последним, не так давно, уехал бывший сахалинский ссыльный и «государственный преступник» профессор Штернберг с малолетним сыном.

- Слышали о таком... И вообще, я не Госпожа, а Товарищ! Запомни на будущее...

На улице вновь прозвучали выстрелы.

- Товарищи! –раздался грубый мужской голос. - Там Вашего водителя убили!

- Хорошо, старик! – голос женщины зазвенел как надтреснутый колокольчик. - Продолжай нести службу! Мы еще встретимся.

Дверь в парадную с грохотом захлопнулась. Заурчал мотор отъезжавшей машины. Я приоткрыл пошире входную дверь в квартиру и, продолжая держать в руке пистолет, со

вздохом опустил на стул.

- Роман Федорович, - услышал я «нормальный» голос Лигова, входившего в прихожую, - как Вы?

- Я в порядке... А Константин Иванович...

Лигов перебил меня:

- Он ушел на рассвете и попросил меня привести Вашу внешность в соответствующий для сегодняшней ситуации вид.

- И какую «личину» Вы мне предложите?

- ПЕРВЫЙ вариант - простого казака, возвращающегося после ранения из госпиталя в часть, в Ревель. Думаю, Вам несложно будет «перевоплотиться» в одного из своих подчиненных, Илью Курбанова или Андрея Пахомова.

- Откуда Вам известны их имена?

- Роман Федорович, не буду лукавить – из Вашего Досье. Тем более, казак Пахомов действительно после тяжелого ранения находился на излечении в «Лазарете Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича» в Зимнем дворце, и три дня назад был выписан. Пахомов демобилизован из армии по ранению. Это несложно проверить. Если будет необходимо, - документы на его имя сегодня вечером Вам принесут.

Есть ВТОРОЙ вариант: переодеть Вас в штатское платье, но не франта, а приказчика, приехавшего из Сибири. Документы также будут на имя Пахомова. Что Вы выберете? Прошу Вас дать ответ сейчас, так как в пределах получаса по-

дойдет человек, которому я должен сообщить Ваш выбор.

- Меня устроит ВТОРОЙ вариант. В Петрограде я проездом, еду в Ревель из Николаевска-на-Амуре. Те места мне хорошо знакомы по службе. Направлен по заданию Товарищества «Добровольный флот» для изучения возможности провоза рыбопродукции из кеты и горбуши по железной дороге для сбыта на рынках, в центральных районах России, пока на поставки еще действует пониженный тариф, 25 процентов, за провоз. Конечной целью моей поездки определен Ревель. В нем, я должен найти поставщиков оборудования, из «союзников», для строящегося рыбоконсервного завода в Николаевске. Имеющийся на Камчатке и действующий с довоенного 1910 года единственный рыбоконсервный завод фирмы «Демон» оснащен производственными линиями, закупленными в Германии. А сейчас идет война, и необходимо найти новых партнеров, чтобы закончить оснащение строящегося завода. Вот такая «ЛЕГЕНДА». Устроит ли она господ-товарищей?

- Роман Федорович, я записал основные моменты Вашей Легенды. Все передам по назначению. Не подскажите, в котором часу завтра отходит Ваш поезд с Варшавского вокзала?

- Согласно билету, отправление в 21 час 30 минут.

- Позвольте записать данные Вашего билета.

- Пожалуйста, - я протянул ему билет.

- Спасибо.

Глава 4

Следующее утро началось с суматохи. Около 10 часов утра Лигов передал мне темно-синий костюм-тройку, белую рубашку и черные кожаные полусапожки на меху. Шинель заменило черное драповое полупальто с воротником из каракуля, а вместо папахи – шапка-пирожок также из каракуля. На удивление все подошло, как будто шили для меня.

- Это что, театральный реквизит?

- Считайте, что так... И еще... для убедительности легенды... Вот Вам в дорогу... два «хвоста» соленой горбуши и две кеты холодного копчения. Не бойтесь, они небольшие и хорошо упакованы.

- Сколько я Вам должен?

- Роман Федорович, денег с Вас мы с Константином Ивановичем не возьмем, а вот услугой...

- Все, что в моих силах...

- Нам необходимо приютить на некоторое время в Ревеле одного человека –нашего агента -мужчину.

- Постараюсь Вам в этом помочь. А где я с ним встречусь и как узнаю, что это именно он.

- Не волнуйтесь. Он узнает Вас сам и скажет, что Он от «Лигова».

- Хорошо, – и мы рассмеялись.

Около 18 часов принесли документы на имя Пахомова Романа Федоровича с моей фотографией времен выпуска из училища, но не в форме Хорунжего, а в цивильном пиджа-

ке и белой рубашке. Я, Алекс Ветров, а не только Роман Унгерн-Штернберг, был поражен искусной работе фотографов Охранного жандармского отделения по «обработке» снимка в стиле «фото-шоп», поскольку компьютеров в то время еще не придумали...

В быстро сгустившихся сумерках «служебная» пролетка домчала меня без приключений до Варшавского вокзала за полчаса до отправления поезда. Я «погрузился» в свое купе, положил на столик купленные на перроне, у мальчишек-разносчиков, газеты: «Правительственный вестник», «Русское слово», популярное бульварное издание «Копейка», - и начал их просматривать. А в душе все не унималась тревога:

- Что за агент придет от Лигова? Смогу ли оказать ему услугу, равную той, что оказали мне?

Где-то минуты за три до отправления, дверь в купе открылась, и вошел человек, кутавшийся в большой вязанный шарф. Он бережно закрыл за собой дверь, присел, не раздеваясь, напротив меня на нижнюю полку, и я услышал знакомый голос:

- Добрый вечер, Роман Федорович! Я от Лигова...

Все мои страхи сразу рассеялись.

- Добрый вечер, Константин Иванович! Здравствуйте, уважаемый Агент!... Рад Вас видеть в полном здравии! Надеюсь быть полезным, во время Вашего пребывания в Эстонии, в период моего отпуска.

- Благодарен, Роман Федорович, за понимание.

Поезд тронулся, и я, с тревожным чувством, стал ожидать встречи с домом, в котором не был три года.

Глава 5

2 марта 1917 года, ближе к полудню, поезд прибыл в Ревель. В отличии от Петрограда, привокзальная площадь и прилегавшие к ней улицы города были немногочисленными и чистыми от мусора. Вот и дом Отчима. Нас встретил мой младший брат, Константин, демобилизованный по ранению из армии, работавший, как и до войны, инженером-путейцем на Николаевской железной дороге и, по-прежнему, бывший холостяком. Готовкой еды и уборкой в доме занимались две приходившие женщины: кухарка Марта и горничная Агата.

- Господа, - обратился я к обоим Константинам. - Как мне обращаться к Вам двоим, чтобы не перепутать? Константин Иванович, Вы не против, если при нашем неофициальном общении, я буду называть Вас по Отчеству – Иванович.

- Я не возражаю, - рассмеялся Глобачев, - тем более я старше каждого из Вас, но на три года моложе вашего дядюшки Эрнста.

Глобачев быстро влился в наш мужской семейный коллектив. За ужином он весело рассказывал скабрзные мужские анекдоты и даже помог брату вытирать вымытую тем посуду. Мне этот «процесс» не доверили, так как первая переданная братом мокрая тарелка, - одна, из нескольких, «по мановению палочки» выскользнула из моих рук на пол и, конечно, разбилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.